

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ А. П. ЧЕХОВА

А. П. ЧЕХОВ
СБОРНИК СТАТЕЙ
И МАТЕРИАЛОВ

РОСТОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОСТОВ-НА-ДОНУ, 1959.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

доцентов Л. П. Громова и

И. В. Федорова.

Отв. редактор В. Д. Селегов.

А. А. ДОЛЖЕНКО.

ВОСПОМИНАНИЕ РОДСТВЕННИКА ОБ АНТОНЕ ПАВЛОВИЧЕ ЧЕХОВЕ

Публикация П. С. Попова

Две родные сестры — Евгения Яковлевна¹ и Федосия Яковлевна Морозовы, в начале шестидесятых годов прошлого столетия вышли замуж в городе Таганроге. Первая из них вышла за Павла Егоровича Чехова², а вторая за Алексея Борисовича Долженко³. У Евгении Яковлевны Чеховой было шестеро детей: Александр, Николай, Антон, Иван, Мария и Михаил, а у Федосии Яковлевны Долженко⁴ — единственным сыном был я — Алексей.

В раннем детстве я жил с матерью и отцом в Таганроге в доме подрядчика Белова. Чеховы часто бывали у нас в гостях всей семьей. Детям у нас очень нравилось, и Евгении Яковлевне приходилось с большим трудом уводить их домой.

Часто детей оставляли у нас, и они весьма охотно гостили даже целыми неделями.

В свое пребывание у нас мальчишки: Антон, Александр, Николай, Иван и я, Алексей, любили устраивать на мягких постелях моих родителей битву подушками. Победителями обыкновенно оказывались Антон и Александр, остальные отступали и аплодировали. После таких сражений моей матери, Федосии Яковлевне, было немало трудов привести все в порядок.

Однажды пребывание у нас Чеховых совпало с днем моих именин. Каждый из детей хотел мне сделать что-либо приятное: Антон торжественно прочитал мне стихи своего сочинения, Николай подарил рисунок: я был изображен верхом на корове, Александр подарил мне переводные картинки, а Иван цветной карандаш. В этот день, к нам пришли многие другие знакомые и тоже со своими детьми. День вышел оживленный. Все дети сели за отдельный стол. Был подан обильный обед, а

потом — множество сладостей. Мы все себя очень бурно вели. Я был переполнен счастьем, старался всех перекричать. Громко рассказывая детям о полученных мною подарках, я настолько увлекся, что начал фантазировать и объявил, что получил в подарок настоящий велосипед.

В то время велосипед был большой редкостью, и в Таганроге о нем знали больше по наслышке. Года два ранее описываемого времени в Таганроге появился итальянец Рокко — учитель музыки, который ездил на велосипеде с деревянными колесами. Это содействовало популярности музыканта. Вскоре он исчез. Вся наша молодая компания по своей детской легковёрности стала меня упрашивать, чтобы я им показал велосипед. Я был приперт к стене и, не умея найти другого выхода из положения, повел своих гостей к сараю, который случайно был открыт. Я их пропустил вперед и сказал, что велосипед стоит в темном дальнем углу, а когда они все вошли в сарай и начали искать мой вымышленный подарок, я закрыл дверь, запер сарай и как ни в чем не бывало вернулся домой. Когда я вошел в комнату, взрослые спросили меня, где мои гости, я ответил — гуляют на дворе. Вскоре пришел кто-то из соседей и сказал, что в нашем сарае неблагополучно, потому, что там какой-то вой и визг.

Моя мать сейчас же пошла в сарай и к своему великому огорчению нашла там моих гостей в самом жалком виде. Мне при всех была дана основательная трепка, после чего всем пострадавшим были розданы гостинцы.

Дети успокоились. Инцидент был ликвидирован. Через несколько минут со мною помирились и приступили к играм на дворе. Взрослые потом долго смеялись и острили по этому поводу. Вечер продолжался благополучно.

Вскоре после моих именин нас постигло большое несчастье: мой отец почувствовал себя плохо, слег в постель, серьезно захворал и после непродолжительной, но сильной болезни умер, оставив мать и меня без всяких средств к существованию.

В силу тяжелых материальных обстоятельств, моей матери пришлось изменить нашу жизнь, и мы, по предложению Павла Егоровича, переселились на постоянное жительство к Чеховым. В тот период времени Чеховы жили на Монастырской улице в доме Моисеева, где у них была колониально-бакалейная лавка. Нам дали комнату рядом с магазином, в нижнем этаже. Чеховы занимали верхний этаж. Разные этажи не препятствовали тесному общению, и мы стали жить с Чеховы-

ми одной семьей. Очень скоро все привыкли к такому положению, все пошло так, как будто бы так было всегда. Моя мать с сестрой занималась хозяйством, а мы, дети, вместе проводили время, придумывая различные развлечения, иногда даже шала очень шумно.

У Антона в детстве была большая голова, вероятно, поэтому мы дали ему прозвище «Бомба».

В доме Моисеева, на втором этаже, где жили Чеховы, был длинный коридор. Окна этого коридора выходили в сторону Азовского моря, от которого дом отстоял на один или полтора километра. Это расстояние не мешало видеть открытое море во всей его широте, и мы, дети, часами наблюдали за проходящими на горизонте треугольниками парусов рыбачьих судов, а также за большими пароходами, которые сначала обозначались одним только дымом, затем показывались одни только трубы и только потом весь пароход. Однажды в порт пришел большой пароход, на котором приехал какой-то родственник по линии Морозовых; его ходила встречать вся семья. На пароходе нам всем был предложен обед. Я в первый и последний раз видел, как матросы разрезали брюхо свежему осетру, вынули всю икру, положили в миску, затем вставили туда деревянную палку, после чего стали ее крутить ладонями. Все пленки из икры намотались на палку, затем матросы посолили икру, посыпали зеленым луком и нас всех угощали. Особенно икра понравилась Павлу Егоровичу Чехову, который был хорошим гастрономом, всегда сам делал горчицу и готовил к столу закуски.

Большую часть времени мы проводили на берегу моря, где купались с утра до вечера.

В Таганроге, недалеко от рыбного базара пролегает Банный спуск к морю. В этом месте оно обладает особым свойством: в зависимости от направления ветра бывает нечто вроде приливов и отливов в довольно больших размерах.

Однажды мы большой компанией детворы, в числе которой был и Антон со своими братьями, купались. Благодаря тому, что вода отошла, мы зашли очень далеко в море. Незаметно для нас начал дуть низовой ветер, который погнал воду к берегу. Начался прилив. Уровень воды стал повышаться так, что нам пришлось забраться на старый, перевернутый вверх дном дырявый корпус парусного судна. Вода ушла на полкилометра вперед. Путь наш был отрезан. По морю побежали белые барашки. От прибойной волны наш баркас стал шевелиться, как живой. Мы прижались друг к другу. Лишь один Антон по-

смеивался над нами. Неизвестно, чем все это бы кончилось, если бы нас не заметили рыбаки, которые под'ехали к нам на лодке и доставили на берег.

На самом краю города находилось кладбище, за которым начиналась степь. Здесь на земле можно было наблюдать много круглых отверстий. Это норы тарантулов. Для чего это нам было нужно, я теперь припомнить не могу, но тогда ловле тарантулов мы отдавали много энергии. Главным инициатором ловли как всегда, был Антон, выдумавший для этой цели специальный способ. Все мы имели при себе аптечные баночки, наполненные деревянным маслом, и специальные удочки, состоящие из небольшой палочки, к которой была привязана довольно длинная нитка, а на конце нитки был прикреплен шарик из воска. Размер шарика был такой, чтобы он мог свободно пройти в нору тарантула.

Самая ловля заключалась в следующем: баночки с маслом ставились около норы. В отверстие опускался шарик из воска. Как только шарик доходил до дна, тарантул, раз'яренный появлением непрошенного гостя, с яростью цеплялся лапами в воск и тянул шарик на себя, вызывая подергивание, державший в руке удочку тотчас же вынимал шарик с вцепившимся в него тарантулом и сразу опускал его в масло. В масле, вследствие отсутствия воздуха, тарантул сразу погибал. Большое количество наловленных тарантулов почему-то считалось у нас особенной доблестью.

Будучи уже гимназистом, Антон Чехов очень любил ловить рыбу. На ужение мы ходили в Таганрогскую гавань. Обычно было нас четверо: Чеховы—Антон, Николай, Иван и я. Ловили мы преимущественно бычков. Антон умел добиваться удачной ловли. Он изобрел специальные поплавки, изображающие человека, у которого руки поднимались и опускались во время ловли рыбы. Это указывало, какого размера рыба попала на крючок. Если человек в воде по пояс, то значит попалась небольшая рыбка, если по плечи — то средняя, если с головой и руки подняты вверх, то значит крупная рыба, и ее нужно вынимать умеючи. В таком случае Антон не доверял нам и вынимал сам. Поплавки он делал из особого дерева, похожего на пробку, которое брал у местных рыбаков.

Отправляясь на рыбную ловлю, мы брали с собой сковородку и все необходимое для стряпни, а иногда Антон захватывал свое любимое сантуринское вино. Такая обстановка рыбной ловли особенно нам нравилась, и мы обставляли дело так, чтобы об этом не пронюхал Павел Егорович.

Уничтожив часть пойманной рыбы, мы, отправляясь домой, проходили мимо порта. По дороге нам нередко попадались орехи или рожки, высыпавшиеся из провозимых на телегах мешков, которые уличные мальчишки прорезали на задних возах. Мы набивали себе карманы и, довольные, продолжали путь до Каменной лестницы, которая ведет в город. Придя домой, мы предпочитали скромно умалчивать о таких находках.

Во время обучения в младших классах Таганрогской гимназии, Антон стал увлекаться воздушными шарами. Он изготовлял их из бумаги. Братья Николай, Иван и я взялись ему помогать. Мы склеивали шары из больших листов папиросной бумаги и пускали их в пространство, наполняя теплым воздухом или светильным газом. Первый способ был неудобен, потому что шары часто сгорали, второй был сопряжен с некоторым риском, но для нас он был особенно заманчив, так как давал прекрасные результаты.

В то время Чеховы жили в доме Моисеева. Против самого угла дома, у входа в магазин, стоял газовый фонарь, который служил нашей базой для наполнения аэростатов. По утрам, часа в 4 или 5, пока никого не было на улице, мы все собирались около фонаря и наполняли наши шары светильным газом при помощи резинового шланга, который надевали на рожок фонаря. Шары удачно накапливались и подымались ввысь при общем нашем ликовании. В результате наших манипуляций фонарь постоянно находился в неисправном состоянии, чего не мог не заметить обслуживающий персонал. Скоро этот секрет был разгадан, и на нас пожаловались в полицию. Павла Егоровича Чехова вызвал районный пристав в полицейский участок для объяснений. Для нас же это кончилось экзекуцией. Аэронавтика была оставлена, а наш творческий пыл был обращен на другие изобретения.

Последняя детская шалость, которую я помню, это случай с черепом⁶. Произошло это при следующих обстоятельствах. Антон учился в четвертом или в пятом классе гимназии. Каким-то образом ему удалось выпросить на время у гимназического служителя при кабинете наглядных пособий череп и две берцовых кости. Эти экспонаты он принес с собою домой, для того, чтобы показать нам. Сестры Марии в это время не было дома. После всестороннего осмотра этих интересных вещей кто-то из нас придумал испугать ими Машу. Желая достичь максимального эффекта, кости с черепом мы положили к ней на кровать и накрыли одеялом. Чтобы получилось впечатле-

ние лежащего человека, мы положили также башмаки, палки и прочие вещи. Сестра не заставила себя долго ждать. Она вернулась домой в особенно хорошем настроении. Мы стали ее интриговать, говоря, что к ней приехала из Москвы ее подруга, а на вопрос, кто она и где находится, сказали, что она с дороги легла отдохнуть на ее постели. Маша быстро вошла в свою комнату, откинула одеяло и тотчас упала в обморок. Видя ее тяжелое состояние, мы испугались не на шутку. Поднялись шум и суматоха. В комнату прибежала мать Чеховых, Евгения Яковлевна. Антон побежал за одеколоном, Иван стал мочить носовые платки в холодной воде. Пока мы возились с сестрой, выслушивая брань старших, мы совершенно забыли о черепае и костях. В это время моя мать Федосия Яковлевна, будучи женщиной очень религиозной, усмотрела в игре человеческими костями святотатство. Пользуясь общим замешательством, она унесла кости и похоронила их на дворе. Когда все кончилось, сестра Мария пришла в себя, старшие исчерпали весь свой словесный запас, Антон вспомнил о костях. Ему пришлось приложить немало усилий, чтобы выяснить, куда они девались, вырыть их из земли и отнести гимназическому служителю, который уже начал беспокоиться, как бы не вышло крупной неприятности.

В 1876 году, в апреле, Павел Егорович окончательно закрыл свою торговлю и уехал в Москву. Через три месяца вслед за мужем выехала из Таганрога и Евгения Яковлевна, а к весне и Иван Чехов⁶. Таким образом в Таганроге остались я, моя мать и Антон. Мы с матерью переехали на новую квартиру, находящуюся на краю города, в предместье, носящее название Каспаровка. Эту квартиру мы сняли у оптового торговца мясом Зелененко. Антон остался жить у лица, к которому перешла бывшая чеховская квартира⁷. Один из чеховских родственников, Иван Иванович Лобода⁸, имел на новом базаре в Таганроге оптовый мануфактурный склад.

После переселения на Каспаровку я был отдан в мальчики к Лободе, у которого работал не более полугода, после чего был вытребован Павлом Егоровичем в Москву. Отвез меня туда сам Иван Иванович Лобода⁹, поехавший по делам своей торговли. Вскоре ко мне приехала моя мать. Через три года Антон Павлович окончил гимназию. В августе 1879 года он приехал в Москву и поступил в университет на медицинский факультет.

Таким образом в Москве собралась вся чеховская семья, причем Москва была выбрана постоянным местом жительства

не случайно. Дело в том, что родоначальник семьи Чеховых, Егор Михайлович¹¹, который был крепостным помещика Черткова¹¹, а затем по освобождении за выкуп—управляющим имением у графа Платова, имел трех сыновей: Павла, Михаила¹² и Митрофана¹³. По каким-то неизвестным причинам он своих трех сыновей расселил по разным городам: Павла Егоровича— в Таганроге, Михаила Егоровича — в Калуге, а Митрофана Егоровича — в Ростове. Михаил Егорович Чехов почему-то пожелал изменить свою фамилию на Чохов. Когда он отправил из Калуги в Москву своего сына Михаила Михайловича, то у него в документах значилась фамилия Чохов. Михаил Чохов был отдан в Москву к купцу Гаврилову в мальчишки. Через довольно большой промежуток времени он стал старшим приказчиком. Михаил Чохов приходился родным племянником Павлу Егоровичу Чехову — отцу Антона Павловича. Во время ликвидации своих дел в Таганроге Павел Егорович вспомнил, что его родной племянник служит в Москве у купца Гаврилова старшим приказчиком. Это обстоятельство предредило переезд семьи Чеховых и Долженко в Москву.

В Москве на Ильинке, в Теплых рядах купец Гаврилов имел оптовую торговлю модно-галантерейными товарами. Помещалась она в каменных амбарах и складах, напоминающих огромные сараи. При этих складах была контора, в которой отец Антона Павловича занимал должность конторщика, а я работал в то время при складах продавцом¹⁴.

29 июня был день именин Павла Егоровича. Желая наиболее полно отпраздновать это событие, Павел Егорович выпросил у хозяина для себя и меня отпуск на два дня. Накануне этого дня мы с ним выехали в Бабкино, находящееся около города Воскресенска, где проживала в это время семья Чеховых на даче. Я ехал туда в первый раз. Приехали мы поздно вечером, накануне 29 июня. Нас встретили очень сердечно: накормили сытным ужином, напоили чаем с вареньем и печеньем. За столом беседа затянулась за полночь, а потом мы легли спать. Меня положили у окна, выходящего в парк. Вечер был душный, и я заснул с открытым окном.

В эту ночь Антон расклеил по всему парку афиши о том, что приехал Алеша и привез Ване брюки с лампасами. Я таковые действительно привез по поручению брата Ивана.

Утром два старика прогуливались по парку. Прочитав афишу, они подошли к окну, у которого я спал. Увидев меня один из них сказал: «Вот должно быть спит тот самый Алеша,

который привез Ване брюки с лампасами». Я приподнялся и подтвердил их предположение. Они тут же извинились, что меня так рано разбудили, и представились мне. Один из них оказался бывшим директором императорских театров Бегичевым¹⁵, а другой — оперным артистом императорских театров Владиславлевым¹⁶. Старички были очень любезными людьми и пригласили меня днем кататься на лодках и на ослах. Вечером мы с Павлом Егоровичем должны были уезжать. При этом нас все, во главе с Антоном, провожали до ближайшей станции железной дороги.

Прошло несколько лет, Антон давно уже окончил университет и занимался литературной деятельностью. Мы жили в доме Корнеева на Садовой улице близ Кудринской площади. Антон готовил пьесу «Иванов» для постановки на сцене театра Федора Адамовича Корш. В связи с этим у него часто бывали артисты Градов-Соколов, Киселевский, Давыдов, Мартынова, Кошева и другие. Они читали пьесу и распределяли между собою роли. Антон очень волновался и говорил, что «все бы это было хорошо, если бы артисты проявляли больше жизненных инстинктов». Потом начались репетиции, и пьеса пошла очень хорошо. Исполнение было прекрасное. Публика осталась очень довольна. Автора вызывали несколько раз под гром аплодисментов. Антон чувствовал себя очень неловко, выходил на сцену нетвердую поступью и угловато кланялся публике, о чем он мне после говорил сам. Все прошло очень хорошо. В этот же вечер все участники спектакля были приглашены Антоном на ужин. Было очень оживленно, говорилось много речей по адресу автора. Ужин затянулся до самого утра.

В самом начале своей врачебной деятельности Антон Павлович жил на Сретенке в Головинском переулке в доме Елецкого. Ему пришлось оказать врачебную помощь одной очень бедной женщине, которая была портнихой. В несколько дней он ее вылечил и поставил на ноги. По своему обыкновению Антон категорически отказался принять от нее гонорар за лечение. Тогда она придумала другой способ уплаты и незаметно для него поставила ему на окно чернильницу с запиской: «Дорогому доктору Антону Павловичу Чехову от благодарной пациентки на память». Эта скромная чернильница, на мраморном основании которой были два флакона с медными крышками и бронзовая лошадь, — первый гонорар Чехова за лечение — находилась у него долгое время, после чего он подарил ее мне и рассказал о ее происхождении.

В одну из своих частых поездок из Ялты в Москву Антон Павлович находился в вагоне II класса. В купе случайно оказалась приятная соседка, по внешнему виду интеллигентная и шикарно одетая дама. Они разговорились. Соседка рассказала ему, как приятно и весело она провела время в Ялте. Дама сказала, что везде побывала, все видела, была у писателя Чехова, и он не произвел на нее никакого впечатления: «Не знаю, за что его так превозносят, — заметила она, — по-моему, он самый обыкновенный человек и даже не похож на писателя».

Чехов и его спутница говорили о многом и не заметили, как доехали до Москвы. Собеседник произвел на даму хорошее впечатление, и она им заинтересовалась. Когда в Москве поезд подошел к перрону, они стали прощаться. Спутница просила его бывать у нее и подала ему свою визитную карточку, на которой значилось, что она графиня такая-то. Молча смотря на нее, он подал ей свою карточку, на которой было напечатано: Чехов Антон Павлович. Она смутилась. Они молча раскланялись и разошлись.

В период времени, когда Чеховы жили на Луке в Харьковской губернии, в имении Линтваревых, я жил в Москве, в доме Шапошникова на Дворянской площади. Двоюродная сестра моя, Мария Павловна Чехова, работала в то время учительницей в прогимназии на Садовой улице и жила во время учебного года вместе с нами. Антон Павлович часто приезжал с дачи к нам в Москву. По вечерам к нему собиралось много знакомых, в числе которых бывали художники Исаак Ильич Левитан, архитектор Франц Осипович Шехтель, писатель Гиляровский, Щепкина-Куперник и другие. Время протекало в оживленных, веселых беседах, наполненных чеховским юмором. Обычно компания засиживалась до утра за столом, установленным винами и закусками. Особенно любили модный для того времени «Клярет» Губонина — вино вроде шампанского, которое употреблялось в большом количестве. Щепкина-Куперник меня прозвала «Алексом Брувье», и это, прозвище удержалось за мной на все последующие времена. Я был любителем музыки, и меня заставляли играть печальные мелодии на маленьком гобойчике. Это были времена моего последнего пребывания в семье Чехова. Вскоре я женился и стал жить отдельно.

Вслед за мною через несколько месяцев женился и Антон Павлович на артистке Ольге Леонардовне Книппер и вскоре после этого он поселился с женою, матерью и сестрой в доме Катык на Тверской, в Леонтьевском переулке¹⁷, где я был у них часто в гостях. В этом же доме в соседней квартире про-

живал Федор Иванович Шаляпин, который часто бывал у Антона¹⁸ вместе с другими знаменитостями: Львом Николаевичем Толстым¹⁹, Алексеем Максимовичем Горьким. Квартира в доме Каток была последняя, которую занимал в Москве Антон Павлович. Он стал часто хворать, сильно кашлять и плевать кровью. Врачи-профессора предписали ему ехать за границу для поправления своего здоровья. По совету своей жены он избрал себе курорт в Баденвейлере и стал собираться ехать туда. Я навестил Антона перед самым его отъездом. Это была наша последняя встреча. Мы беседовали целый вечер на разные темы, он себя чувствовал очень плохо, ослаб и волновался. Я ему советовал успокоиться и говорил, что он из Баденвейлера вернется совершенно здоровым. На все мои убеждения он с горечью ответил, что я ничего не понимаю, а он — врач и знает, что едет умирать. Действительно, он обратно живым не вернулся. В субботу, 10-го июля, в 7 час. 30 мин. утра на Николаевском вокзале в Москве мы встретили поезд, привезший прах человека, ставшего близким всему человечеству.

19—21 августа 1938 года.

Алексей Алексеевич Долженко (1864—1942), — двоюродный брат Чехова по матери. Чехов писал своему дяде 18-го января 1887 года: «Вчера у меня было очень много гостей. Был, между прочим, А. А. Долженко, игрок на скрипке и на цитре; из него вышел прекраснейший человек. Он бывает у нас раза два в неделю и очень привязан к нам. Он необыкновенно остроумен, честен и порядочен. Беднягу сбивает только ять, фита и и. Пишет прескверно и не мало горюет по этому поводу. Талантлив он, как покойный Иван Яковлевич» (единственный дядя Чехова по матери, умерший в молодом возрасте). До сих пор известны шесть писем Чехова к Долженко (см. Полное собрание сочинений и писем А. П. Чехова, 1944—1951, томы XII, XV и XIX). Рукопись воспоминаний Долженко хранится в Центр. гос. архиве лит. и иск. (Москва).

¹ Евгения Яковлевна Чехова (1835—1920), рожд. Морозова, дочь маршанского торговца сукном; с 1854 г. — жена П. Е. Чехова. А. П. Чехов говорил: «Талант в нас со стороны отца, а душа — со стороны матери».

² Павел Егорович Чехов (1825—1898), сын крепостного, имел бакалейную лавку в Таганроге, будучи купцом третьей гильдии. В 1876 г. бежал от долгов в Москву, где поступил конторщиком галантерейного склада Гаврилова. «Был суровым человеком», — писал об отце Антон Павлович. О нем: «Отец Антона Чехова и его дневник» (Ю. Соболев, «Чехов», 1930 и «Купец третьей гильдии П. Е. Чехов» в сборнике «А. П. Чехова и наш край» Ростов-на-Дону, 1935).

³ Алексей Борисович Долженко (ум. 1871 г.), служил в Таганроге у купца Перышкина с Павлом Егоровичем.

⁴ Федосья Яковлевна Долженко (1834—1891), тетка Чехова. В семье Чеховых над ней много шутили. Когда она переехала с сыном в Москву в 1878 году, то Александр Чехов писал о ней брату: «Тетушка Ф. Я., напуганная пожарами и боясь сгореть, чтобы быть всегда готовой, ложась спать,

облачается in omnia sua (во все свое) и даже в калошах. Смех да и только! Это факт. Напиши ей об этом. Это она делала под секретом и думала, что никто не замечает» (письмо от 14 октября 1876 года, «Письма Александра Чехова», стр. 51). Федосью Яковлевну изобразил Н. П. Чехов. См. Роскин «Чехов. Биографическая повесть», 1939, стр. 9).

⁵ Этот случай с черепом М. П. Чехова считала фиктивным. По этому поводу Долженко сообщил 7 мая 1941 года: «Эпизод с черепом был точно, это я прекрасно помню, но Мария Павловна, вероятно, забыла. Было это очень давно, когда Антон учился в старших классах гимназии».

⁶ М. П. Чехов вспоминал так: «Антоша и Ваня были брошены в Таганроге на произвол судьбы, одни. Антоша остался в своем бывшем доме, чтобы оберегать его, пока не войдет в него новый хозяин, а Ваню приютила к себе тетя Марфа Ивановна. Впрочем, Ваню тоже скоро выписали в Москву, и Антон остался в Таганроге один, «как перст». («Вокруг Чехова, 1933, стр. 55).

⁷ Гавриил Парфентьевич Селиванов. О нем и его значении в жизни и творчестве Чехова см. А. Роскин «Антоша Чехонте». 1940, стр. 52—57.

⁸ Иван Иванович Лобода, муж сестры Е. Я. Чеховой.

⁹ В 1878 году.

¹⁰ Егор Михайлович Чехов (1789—1879). О нем см. Седой «В гостях у дедушки и бабушки». СПб, 1902.

¹¹ Иван Дмитриевич Чертков (1796—1865), штальмейстер, дед единомышленника Толстого, Владимира Григорьевича Черткова.

¹² Михаил Егорович Чехов (умер 53 лет).

¹³ Митрофан Егорович Чехов (1836—1894).

¹⁴ В части своих мемуаров, остающихся до сих пор неопубликованными, племянник А. П. Чехова, Владимир Митрофанович, описывает, как Антон Павлович изображал кушца И. Е. Гаврилова. В. М. Чехов указывает, что старик, Павел Егорович, должен был говорить своему племяннику Михаилу Михайловичу: «Вы-с, как вам-с будет угодно-с. Запишем-с, как вы-с изволите приказать-с». И Павел Егорович должен был всегда чувствовать и понимать, что Михаил Михайлович его благодетель.

¹⁵ Владимир Петрович Бегичев (1828—1891).

¹⁶ Михаил Петрович Владиславлев.

¹⁷ Здесь мемуарист допускает ошибку: он сам женился в 1893 г. на Елене Корниловне, рожд. Спициной, свадьба же Антона Павловича была в 1901 году.

¹⁸ В доме Катык Чехов жил очень недолго, — перед отъездом за границу в 1904 г.

¹⁹ Ни Толстой, ни Шаляпин у Чехова здесь не бывали.